

О ТОВАРИЩЕ ПО ПЕРУ

В ОДНОМ интервью Олесь Гончар говорил: «Важнее всего, по-моему, для писателя на протяжении всей жизни не потерять ощущения единства, сплитности своей личной судьбы с судьбой народной. Не потерять ощущения того, что ты только один из многих на великом пути народном, что пролегал из глубины веков через битвы, через трагедии к лучшему будущему, на пути, что пролегал — уже на наших глазах — от солдатских окопов к звездам».

белело — о сыновьях, братьях, солдатах, партизанах, павших на полях сражений. А книжный фонд полностью был уничтожен, даже то, что было в личных скромных библиотечках сельчан, сгорело в пламени пожаров. По бедности тех лет сельская изба-читальня получала в лучшем случае два-три журнала. И вот летом 1946 года мой коллега из украинской школы прислал мне журнал «Вітчизна». В нем были опубликованы «Альпы» Олесь Гончара. Я далеко не совершенно владею украинским языком. Но вещь эта поразила меня особым видением войны; так о войне еще не писали — сурово, правдиво и возвышенно. Это было подлинно новаторское открытие ситуаций и, самое главное, неповторимых характеров советских солдат. Хома Хаецкий, Юрий Брянский, Шура Ясногорская... Они несли правду о войне и правду характеров людей, воспитанных советской действительностью. Трилогия «Знаменосцы» Гончара, как и «Молодая гвардия» А. Фадеева, помогала стро-

стической верой в победу советского народа над зловавшим фашистским нашествием, высокой мыслью о великой миссии советского воина-освободителя, о миролюбии нашего народа, эти произведения звучат и сегодня остро, злободневно. Вообще у О. Гончара, мне кажется, нет произведения, в котором не отразилась бы его всепоглощающая мечта об утверждении мира на нашей планете, о счастье людей труда, о построении жизни на справедливых, гуманистических началах.

Проблема войны и мира, борьбы за коммунистические идеалы решается у Гончара не только на материале Великой Отечественной войны. В дилогии «Таврия» и «Перекоп» он показывает сложнейшие переплетения классовой борьбы на Украине после Великой Октябрьской социалистической революции. И если в 50-е годы, когда появилась дилогия, такой поворот известного мастера военной темы — от романтического порыва, от биографизма «Знаменосцев» к истории, к строгой документальной основе — казался для многих неожиданным, то сегодня, как никогда, он кажется обоснованным и понятным.

Я помню, какой большой резонанс имела в свое время «Тронка». Этот роман относится к тем произведениям, вся глубина которых открывается не сразу и не полностью. Сегодня ясно видишь, что «Тронка» — вещь масштабная, хотя, может быть, раньше и не казалась таковой. Роман масштабен по охвату людских характеров, судьб, по обобщающей мысли. Сейчас роман в новеллах — форма довольно привычная и никого этим не удивит. Но двадцать лет назад это было явлением безусловно новаторским. Дело не только в композиции, но и в главной

художественной идее. Я скажу лишь о том, что кажется мне особенно важным. Затерянное в степи обыкновенное украинское село, как фокус, вбирает в себя огромнейшие и сложнейшие проблемы, которые волнуют мировые политические центры. Идея животворящей силы родной земли органически проходит через все новеллы книги. А как современно звучит и сегодня реплика одной из героинь романа, которая в разговоре о космосе повела вокруг себя рукой и сказала: «Вон мой космос». Да, есть космос большой и малый. Большой зовет к себе, но он пока не для всех, малый же должен быть у каждого.

Романы, повести Гончара наполнены светом, воздухом, солнцем, травяными запахами. Его поразительное чувство пространства вкупе с чувством времени, умением это воспроизвести исторические реалии, сам дух эпохи рождает образы поэтически обобщенные, возвышенные, глубоко символические. Есть у него и то напряжение противоречий, которое заложено в нашей эпохе, но оно пронизано глубоким лирическим авторским чувством, в основе которого — вера в социалистические идеалы, в совершенствование человека.

Прошлое, настоящее, будущее, связь поколений, «золотая эстафета жизни», цель которой — совершенствование человека, — важнейшая особенность художественного мира Гончара. Верным однажды найденному, избранному пути остается писатель и в новом рассказе «Гений в обмотках». Идея неразрывной связи космоса и «малой родины», поиск истоков космонавтики и всей нашей современной истории нашли в нем свое интересное художественное решение.

Иван ШАМЯКИН
МИНСК

РАССКАЗ

Олесь ГОНЧАР

ГЕНИЙ

В ОБМОТКАХ

ские, украинцы, белорусы. Немало написано о трудностях первых послевоенных лет, о том, например, как жили в землянках, как в моей деревне школа помещалась в подвале сгоревшей совхозной конторы. Женщины пахали на себе. У детей на уроках случались голодные обмороки. Но был еще один голод — книжный. О, как я помню этот голод! Как жадно хотелось читать! Не только мне, делавшему первые литературные пробы. Жадной чтения были охвачены все — дети, их родители, пожилые колхозники. Хотелось прочитать о том незабываемом, что только что было пережито, еще очень

ить магистральную дорогу советской литературы о войне. Недавно я спросил моего друга: «Над чем работаешь, Олесь?». «Пишу маленький роман». Но маленьких романов у него нет, как и нет маленьких героев, маленьких тем. У Гончара самый «маленький» герой велик, он частица великого мира и участник жестокой борьбы между добром и злом, ибо главная тема всего творчества писателя — война и мир. В трилогии «Знаменосцы», романах «Человек и оружие» и «Циклон» так или иначе затрагивается тема войны и мира. Пронизанные оптими-

КОСМОНАВТ уже с первого знакомства поразил нас своей удивительной способностью мгновенно погружаться в сон. Мог он это делать даже по заказу, чтобы развлечь нас и в то же время показать свою исключительную натренированность. Вот мы в ожидании рейса сидим в просторной комнате аэропорта, космонавт наш веселит делегацию свежими анекдотами, и вдруг в какой-то единый миг он, видим, отключился от этой реальности, стрижженная ежиком голова его склонилась на плечо, глаза закрылись, и звездный брат наш уже ровно, глубоко дышит, даже посапывает, с наслаждением отдавшись во власть Морфея.

Мы смотрим на него, как на чудо небесное, перед нами вроде бы свершается некий космический фокус. Не сводя с него глаз, обмениваемся репликами: — С ходу парень окунулся в райские сны. — Вряд ли в райские... Иначе почему же он хмурится? — Это же надо уметь, чтобы так вдруг уснуть! — Рефлекс сработал, — авторитетно говорит дама, доктор наук, тоже член нашей делегации. — Притом сработал безотказно! Проходят какие-то минуты (видимо, как раз то время, на какое он запрограммировал свой сон), и будущий попуччик наш уже встрепенулся, юношеское лицо озарилось смущенной улыбкой, в щелочках глаз оживили искорки ума, острого, веселого. Пригладил рукой свой рюхлый ежик и — без особой подготовки: — А то был у нас на охоте еще такой случай... И вьетса виток новой истории, похожей на анекдот. Мы летим далеко, под нами долго будет тянуться темная бездна — ночной океан. Он для нас скорее ощутим, чем заметен в мерцающем свете, идущем от звезд; и хотя в салоне комфортно, однако мы в течение всего полета подсознательно будем чувствовать: под нами — океан... Когда стюардесса, приняв чуть кокетливую позу, начинает демонстрировать на себе спасательное снаряжение, с заученной ласковостью в голосе объясняя, как следует с ним обращаться в случае вынужденного приводнения, взгляд ее чаще всего обращен на космонавта, хотя ей и невдомек, кто он, для нее он, видимо, просто один из пассажиров этого салона — симпатичный, насколько необычно стриженный молодой человек, который, внимательно следя за ее движениями и все время шуряя веселыми щелчками глаз, иногда с любопытством переспрашивает по-английски, каково назначение вот той лампочки или вот той кнопки. Ситуация несколько комическая, если учесть, что перед стюардессой человек, который с куда более сложными ламками да кнопками имел дело, однако большинству пассажиров это невдомек, и для стюардессы, разумеется, не только старательный ученик, желающий все до мелочей усвоить в тех ее мудреных спасательных уст-

ройствах. Вряд ли наше племя пассажиров с первого раза смогло толком разобраться, что к чему в той спасательной амуниции, объяснения девушки сопровождаются шутками с кресел, ироническими замечаниями, хотя тайком кое-кто, пожалуй, и содрогнулся перед перспективой вынужденного приводнения среди ночного океана, среди его бушующих ледяных волн. После сеанса объяснений космонавт снова погружается в свой запрограммированный сон, а проснувшись, зевнул и спросил меня, слегка тронув плечом, поскольку мы сидим рядом: — Ну как он там, океан, на месте? Сам же не стал наклоняться к иллюминатору. На мой вопрос, как вздремнулось, смущенно отвечает, что он вообще любителю поддавить подушку, сознает свою слабость. — А на орбите поспать удавалось? — Не больше, чем разрешалось расписанием... Выдерживал норму. — И сны приходилось видеть? — Разумеется. — Какие же они, космические сны? Видимо, особенные? — Земные все... Сугубо земные. И никаких иных. — Можете позавидовать вам. Вот уж посмотрелись на Землю со стороны. — На нее насмотреться невозможно. Каждый раз иная... И всегда — прекрасна. Он умоляет, будто незначая коснулся чего-то запретного, слишком интимного. Спустя некоторое время щелочки глаз его снова веселеют, еще одна забавная история вспомнилась... Оказывается, он охотник, да еще и заядлый, любит края, где дичи уйма, поскольку же родной дядя его охраник в этом заповеднике, то может представить, какое это искушение, когда тебя зовут: приезжай да приезжай, племянничек, рыбки на озерах половым, на зорьке посидим... — Дядя Леонтий Иванович у меня человек строгих правил, можно сказать, рыцарь своего дела... Вечно воюет с нарушителями,

которые, он считает, все больше нагнетают. Искатели развлечений, балбесы городские, целыми компаниями наваливаются они в заповедник, оставляя потом после себя кучи битых бутылок да целые снопы почерневших, увядших лилий на месте своих варварских стоянок. И впрямь странная публика: ведь понимают, что, лилию сорви, она тут же увянет, однако с корнями выдергивают, даже заповедные опустошают озера.

— А их возлюбленные, между прочим, охотно принимают эти варварские дары, чтобы тут же выбросить...

— Вот именно. Ни стыда, ни совести. Подобных типов Леонтий Иванович называет неандертальцами, не иначе. А чтобы припугнуть их, даже мою персону пускает в ход: придет, мол, в отпуск племянш-космонавт, он уж задаст вам, неандертальцам, вы у него попляшете, раскосматые... И вот является этот племянш. Представляете, какими глазами мой честнейший дядя взглянул на своего родственничка, когда сей юноша возник перед ним с двухствольным дробинным «Зауэр» да целой котомкой патронов к нему? Ничего себе ствол, вот как пригитовали к встрече с пернатными заповедными своими друзьями! А их как раз целые стаи над нами, все небо лопочет крыльями... Вспугнутые кем-то, улетают подальше, надеясь, видимо, найти места поспокойнее на других озерах... «Неужели и ты с ними заодно, с теми, что за рекой учинили пальбу?» — взглянул исподлобья на мой пижонский «Зауэр», то ли спросил, то ли подумал дядя Леонтий, но факт, что со стыда я готов был сквозь землю провалиться. В самом деле, неужто и я такой, как те зареченские браконьеры с лицензиями да без лицензий? Те, что, и открытия завтрашнего не дождавшись, уже подняли канонаду? Нет, разумеется, я, а еще больше себя, я не такой, по крайней мере не хочу быть таким!.. А по Леонтию-то Ивановичу вижу — не верит он мне: говори, мол, разговаривай, знаешь вас... С орбита, с небес, а тоже туда... Кажется, тогда только и поверил он в благие намерения своего племянника, когда родственничек вдруг остановился у озера и, крепко поразмыслив, с обрыва футболки подальше весь свой зауэровский боезапас. И хотя хвалы от дяди не последовало, однако глаза его потеплели, и мы сразу вроде бы стали роднее друг другу. И впрямь почувствовали себя близкими родственниками, когда молча смотрели, как в том месте, где комплект патронов ушел ко дну, снова появляются на воде листья кувшинок, обретая прежнее положение.

— Удачно поохотились, — говорю, и космонавт улыбается моей шутке.

— А между прочим, не жалею, — замечает он после паузы. — Ведь если подумать, до черта развелось уже нашего брата — любителя все живое брать на прищелк... Читал на днях: сорок тысяч охотничьих ружей лишь на одну область. И каждый норовит вернуться домой с добычей... А моторных лодок сколько? Леонтий Иванович мой полагает, что от них зла больше всего. Глушат рыбу, разрушают берега, а в выходные на реке грохот стоит сатанинский, солярка, мазут на воде, тучи дыма в воздухе — загазованность выше всех дозволенных норм... А собственно, какая нужда? Почему непременно моторка? Хочешь прогуляться — садись на весла и айда, нарацавай мускулатуру... Так нет же, катер ему подавай, да еще быстросходный!

— Чтобы рыбинспектор не догнал... — Вот именно. На берегу женщины с ребятишками, ткачихи после цеха вывалились наконец-то на природу, а он промчал, нагрозил, надымил, ну и дышите... Главное, чтобы мне было хорошо, а вам... Диву даешься, как часто мы становимся рабами собственного эгоизма. Неужели так несправима природа людская?

Космонавт, откинувшись к спинке кресла, клонит голову то ли в дреме, то ли в задумчивости. Я невольно разглядываю упрямо его чело, коротко стриженный ежик, меня в этом человеке интересует буквально все. Ведь ему выпало испытать то, что недоступно нам, простым смертным. Он работал на орбитальных трассах, попадая, видимо, в неизвестные нам ситуации, находился в невесомости, видел планету в красках неземных. Впрочем, когда я после паузы спрашиваю, как оно человек там, на орбите, сосед мой уклоняется от ответа, видимо, подобные расспросы порядком ему надоели.

— Всего не объяснишь, — говорит он спустя некоторое время. — И любопытство ближних не всегда отвечает настроению, вы не обижайтесь... Когда, бывало, сидим у костра с Леонтием Ивановичем в его заповедных владениях, о чем бы ни шла речь, а дорогой мой дядюшка нет-нет, и опяет за свое: ну как всетаки, племянш, было тебе в той зыбке? Видать ли нас оттуда, с орбиты?

— А в самом деле, видно ли? — интересуюсь я. — Дядю Леонтия, стража нашего заповедного, конечно, разглядеть не удавалось, — шутит космонавт, — хотя личность и дряка... Не было возможности зафиксировать и нашествие неукротимых его неандертальцев, с которыми он ведет свою тридцатилетнюю войну... А вот серебристую ниточку нашей Реки в лунную ночь я, представьте себе, и оттуда узнавал...

Будто вижу, как он, огибая планету, входит в родные широты, как ждет в одиночестве, пока вынырнет из лунного марева именно этот сектор земного шара, представляю, с каким волнением сей сын Земли, прильнув к иллюминатору, старается разглядеть среди бесчисленного множества земных объектов нечто свое, самое дорогое, еле заметное... Он сказал: ниточка. То, что для нас, землян, могучая, полноводная Река, для него, с огромных его расстояний, будет лишь тоненькая голубоватая или серебристая нить...

— Когда пролетаете над ней, все-таки екнул в душе? — Еще был Река, на которой вырос, которая была твоей колыбелью... Разве ее забудешь, Реку своего детства... Вот действительно волнуется при всякой погоде!..

— Степная река, столько в ней солнца, лазури... — Это верно, только образ Реки осенней, суровой вспоминался там прежде всего. Так отчетливо вижу то осеннее надвечерье, когда наши войска подошли к Реке и с ходу в ту же ночь давай форсировать ее. Совершенно пацаном был, а ситуацию и я понимал — сейчас даже удивляюсь... Первые храбрости, переправившись, сразу зацепились на правом берегу, создали плацдарм, но надо же было поддержать им обеспечить, чтобы не погибли... Все наши — и стар, и млад — бросились помогать солдатам на ночной переправе. Наиболее отважными оказались именно старики, один за другим, не страшась обстрела, подгоняют к шлегонам рыбацкие свои лодочки: садись, хлопцы, дважды не помирать! Мать моя тоже села на весла, ей выпало задание перевозить телефонистку, которые должны были дать связь через реку, а вот куда сыншник перепуганного девать? Оставила меня на берегу, в зарослях шелоги и, уже отчаливая, чтобы ободрить, подала голос из темноты: «Только не хнычь, тогда меня пуля не тронет... Можете представить мое состояние.

— Да, такое, пожалуй, не забывается... — Сиджу один, дрожу в зарослях, ночной ветер шуршит камышом, вдалеке стрельба слышна. Из крошечной тьмы противоположного берега огни ракет, струи трассирующих в сторону Реки — так жутко, жутко от них... Думал, умру, пока маму дождусь, да и дождусь ли? Всякое ведь мерещилось в детской душе. А мама, вернувшись, обняла меня нахлещ, прижала на минутку к себе и снова ушла в рейс, оставив своего героя в кустах с такими тяжкими его переживаниями. Всю ночь под огнем действовала переправа, и я, конечно, глаз не сомкнул, однако мама оказалась веселая, все благополучно обошлось, еще потом и медаль за переправу получила. «Может, это ради тебя, сынок, — говорила потом, — река пощадила меня».

Космонавт смыкает глаза, хотя по дрожанию ресниц видно, что он не спит. Глубокая складка ложится ему меж бровей и уже не исчезает.

«Крепок, молод, а тяжесть пережитого оставила свою печать, — думаю о нем. — Перегрузки, сверхнапряжение всей нервной системы, да еще одиночество, бескрайнее одиночество... На орбите, как и в окопе, видимо, самое страшное для человека — ощущение одиночества...»

Стюардесса, проходя вдоль салона, окидывая зорким взглядом пассажиров, дольше обычного фиксирует свое внимание на моем соседе, который вроде бы дремлет, полузакрыл глаза, хотя юношеское его лицо и сейчас хранит веселое выражение. Девушка, приостановившись, ждет, может, какого-нибудь вопроса или шутки с его стороны, как бывало до этого, однако на сей раз никакая реакция не последовало, и она, вскинув плечом и сама себе улынувшись, дальше уплыла с этой улыбкой, которую неизвестно было как и расшифровать. Возможно, девушка заметила, что космонавт лишь делает вид, что погрузился в сон. Удаляясь, она еще раз обернулась, пристально, уже без улыбки взглянув на моего соседа, вроде чем-то озадаченная. Она, вероятно, все же узнала его, припомнив те дни, когда фотографии этого юноши облетели планету и когда он в скафандре был для всех нас существом почти неземным.

Лайнер наш идет на больших высотах, но и здесь уже ночь. Свет в салоне пригашен, остались лишь кое-где слабые сигнальные светлячки, в частности, те, которые обозначают запасные аварийные выходы. Стюардесса раздавала желающим пледы, легкое, словно пух, просто-таки невесомые, чтобы пассажиры, прикрывшись и поудобнее устроившись, могли спокойно отдышаться, пока где-то там, за тысячами метров под ними, проплывает еле видимый с высоты, но оттого не менее грозный океан. Спокойствие царит в салоне. В удобные отрегулированных креслах люди полулежат, и своими неестественными позами они несколько напоминают космонавтов, какими мы их видим иногда.